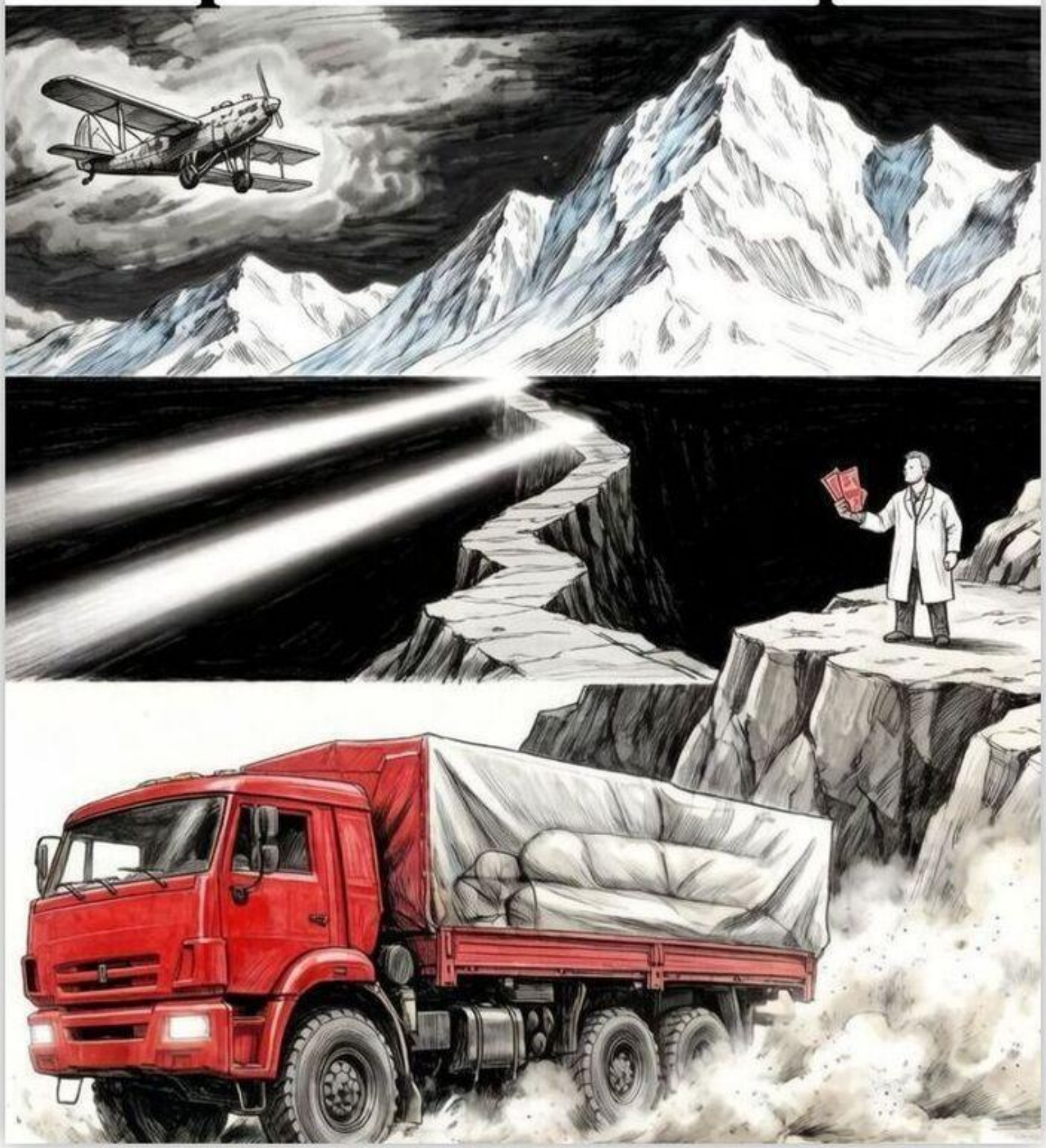
12+

Дмитрий Крещеный

Хроники клинора

Дмитрий Крещеный

Хроники клинора

«Издательские решения»

Крещеный Д.

Хроники клинора / Д. Крещеный — «Издательские решения»,

«Хроники Клинора» — автобиографическая проза в жанре магического и техно-реализма, обнажающая изнанку советской медицинской Системы рубежа 1980-х годов. Это хроника пути молодого реаниматолога, вынужденного укрощать сложнейшую импортную технику, выживать на проклятых аграрных сенокосах, удерживать биологический фронт в пионерском лагере на шестьсот душ и совершать безумные сухопутные побеги из золоторудных тупиков Империи. Честная, ироничная и суровая повесть.

© Крещеный Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава I. Крещение пустошами 6
Глава II. Цитадель патриарха Комарова 8
Глава III. Штурм Столицы и закон карниза 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Хроники клинора

Дмитрий Крещеный

Дизайнер обложки giga.chat

© Дмитрий Крещеный, 2026
© giga.chat, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-5764-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. Крещение пустошами

Так мы назывались в те далекие времена — клинор, клинический ординатор.

Великая Битва за Цитадель Врачевания была выиграна, но триумф обернулся прахом. Тектонический отбор, безжалостный консилиум старейшин — места в выжженных архивах Высшей Науки были дефицитными, словно неосквернённые ядра древних механизмов. Я вырвал это право у сотен претендентов, прошел сквозь чистилище жестокого конкурса. И по сей день эта победа жжет мне душу черным клеймом раскаяния.

Мой соратник Юра избрал стезю Неврологии — ушел в тихие чертоги, где измеряют токи чужих страданий, и обрел там сытое пристанище. Другие девы-неофиты укрылись в безмятежных залах Физиотерапии, смирив гордыню ради покоя, и по меркам нынешней упаднической эпохи их жребий был милостив. Но мы жаждали иного. Мы бредили Абсолютным Знанием. Нам виделся Передовой Край — пылающая линия фронта, где Искусство Исцеления сходится в мертвой хватке с Левиафаном Смерти. Мы рвались туда, где плоть плавится под натиском воли, а сталь и разум едины.

После изнурительного финала в Институте нам был дарован законный анабиоз — месяц священного отпуска для восстановления истощенных ментальных матриц. Но я отринул этот покой. Ведомый слепой гордыней и яростным желанием немедля ринуться в бой, я добровольно явился к железным вратам Ордена на целый лунный цикл раньше назначенного срока. Душа требовала великих свершений, и Машина Системы, утробно лязгнув, всосала меня в свои недра досрочно. Возмездие за спесь настигло меня мгновенно. Едва миновала первая седмица преждевременного служения, как бездушные шестерни Системы провернулись, выплюнув меня прочь от сияющих лабораторий. То был извечный, непреложный ритуал Ордена — отправка неофитов в дальние аграрные резервации для «оказания практической помощи».

Судьба швырнула меня на иссушенные, чуждые пустоши коллективного хозяйства. Сам вызвался, сам шагнул в эту ловушку, и роптать на волю Системы было поздно. Вместо священных скальпелей мне всучили грубые орудия каторжного труда, отправив гнуть спину на проклятый сенокос под тяжелым, наливающимся свинцом небом. Там я впервые узрел изнанку снабжения Системы. Землю терзали ревущие исполины — древние пресс-подборщики, лязгающие ржавой сталью и пожирающие мертвую плоть колосьев. Из их грохочущих утроб выползали чудовищные, намертво спрессованные блоки сухой растительности. Каждая такая капсула весила немыслимые полтора центнера, словно налитая свинцом. Израненными руками, привыкшими к тонким инструментам, сдвинуть этот монолит в одиночку было за гранью человеческих сил. Мы шли на эту глыбу вдвоем, втроем. Втыкали стальные острия вил в плотную плоть полуторацентнерового тюка, задерживали дыхание, чувствуя, как хрустят суставы, и слаженным, яростным рывком — эх! — вздымали эту мертвую тяжесть вверх, швыряя в стальное чрево Тракторного Прицепа.

Но Системе, вопреки ее мрачному лику, не чужда была сытая, утробная щедрость. Кормили нас, надо признать, на убой — по-настоящему, по-колхозному, трижды в сутки одаривая тяжелой, плотной пищей, усмирявшей любой голод. В этом отношении роптать на судьбу не приходилось. К тому же и яростный ритм каторги быстро сошел на нет. Обычно мы исправно отрабатывали лишь до полуденного зноя, а после — Машина Системы затихала. Бывали циклы, когда стальные колеса прицепов и вовсе не покидали стоянок. Мы быстро осознали: в этой глухой провинции столичные клиноры были попросту не нужны. Местные надзиратели и хмурые пахари не знали, какое применение найти неофитам Высшей Науки. Порой мы уезжали в поля лишь для того, чтобы погрузиться в полудрему. Едва отыскав погожий денек и раскидистую крону векового дерева, мы укрывались в густой тени. Кто-то безмолвно курил, глядя в бездонную высь, кто-то проваливался в тяжелый, спасительный сон прямо на траве. Спустя

пару часов из марева выкатывал тяжелый транспорт, забирал наше ленивое воинство и увозил обратно в лагерь. Миссия считалась выполненной. В хаосе этих полей никто и никогда не вел строгого учета — никто не считал, сколько именно тюков было предано стали, и какая доля труда легла на наши плечи.

Нашим пристанищем стал колоссальный, мрачный барак — бывшее стойбище для вьючного скота или старая овечья кошарня. Огромный сарай, лишенный потолочных перекрытий; над головами ординаторов простиралась лишь голая, уходящая во тьму крыша, под которой гуляли сквозняки пустошей. Грубая дощатая перегородка рассекала это пространство надвое, разделив неофитов Ордена на мужскую и женскую половины. В каждой из них, наспех устроившись на ночлег, ютилось копошащееся воинство — душ по тридцать, а то и по пятьдесят в ряд. Но бремя этого спартанского быта переносилось на удивление легко. В жилах бурлила юность, и нам были нипочем ни вечный гул сотен голосов, ни шорохи, ни полуночные разговоры. Мы проваливались в сон мгновенно, спали как убитые. А по вечерам, повинуясь нерушимому ритуалу ушедшей Советской эпохи, в лагерь вторгалось иное таинство. Приезжала передвижная установка, и на белом полотне среди мрака кошерни оживали яркие, полыхающие безумными красками индийские киноленты, унося нас прочь от серой аграрной реальности…

В общем, если говорить кратко — впустую потерянное время и растраченные силы. Я горько жалею, что рванулся туда раньше срока, сжигаемый фанатичным запалом. Мои порывы, мои яростные инициативы оказались абсолютно безразличны Системе. Никто из высших иерархов даже не удостоил их мимолетным взглядом; все мои искры ушли в песок, словно так и должно было быть, растворившись в бездушных шестеренках чужого механизма.

Глава II. Цитадель патриарха Комарова

После возвращения из аграрной ссылки начались монотонные, серые будни. Кругом простиралось бескрайнее поле неизведанного, все было в новинку — но положение наше оставалось двуличным и шатким. Клинор — это уже полноценный, дипломированный врачеватель, полноправный целитель плоти. Но в то же время — лишь бесправный подмастерье, вечный ученик. Проклятый, двуликий статус Системы: на твои плечи возлагают абсолютную, сокрушительную ответственность за чужие жизни, но в глазах старейшин ты остаешься лишь бессловесной единицей, обязанной безропотно постигать азы.

Но в Цитадели мои прежние тайные знания — точные математические и физико-технические матрицы — неожиданно ожили и обрели грозную силу. Мой путь изначально лежал к холодным расчетам Политехнического Института; туда вела природная склонность ума, вскормленная суровым физико-математическим классом. Однако я был заложником чужой воли — дитя родительских амбиций. Высшие семейные структуры постановили идти во врачей, и мне пришлось смириться.

Но сама Клиника — а то был великий, передовой Институт — снабжалась по первому разряду Империи. В её стерильных чертогах, среди мрачных реанимационных залов, высилась чудовищно сложная немецкая аппаратура жизнеобеспечения. По меркам грозного 1980 года эта техногенная роскошь казалась чем-то запредельным, недосягаемым, чудом инженерной мысли. Навыки, вплавленные в разум еще в политехнических классах, не растворились в медицинском ремесле — их невозможно было отринуть. Я подчинил себе эту непокорную импортную сталь. Немецкая аппаратура, вся эта сложная сеть приборов — мерцающие зеленым неоном осциллографы, анализаторы газов крови, определители параметров электролитов и капризные синтезаторы жизненных ритмов — у меня заработали как единый, безупречно отлаженный хронометр Системы.

Однако служители реанимационных чертогов — и особенно младший орден медсестер — были от этого эксперимента в ярости. Мое вмешательство разрушило их привычный, размеренный уклад. Залы наполнились непрерывным высокочастотным писком, скрипом самописцев и тревожными сигналами тревоги; на столах выросли горы перфолент и бумажных логов, которые требовалось непрерывно сверять. Сестры привыкли работать по стандартным, давно устоявшимся протоколам — без лишней техногенной фиксации, «как все». Но я не мог смириться с рутиной. Жизнь по шаблонам казалась мне смертельно скучной, лишенной искры познания, и я решил немного разнообразить свое пребывание в этих стерильных стенах.

Возможно, нынешнему поколению, привыкшему к иным алгоритмам Системы, эти хроники покажутся парадоксальным вымыслом или мрачной сказкой. Но я уверяю вас: в недрах Советского Союза законы бытия работали именно так. Да, любая дерзкая инициатива там была наказуема, она несла в себе смертельный риск навлечь гнев. И в то же время — эта же инициатива неизменно поощрялась, если за ней стоял подлинный фанатизм и безупречный результат. Поймать этот хрупкий, гармоничный баланс между карой и триумфом было невероятно трудно, почти невозможно. Но в одном структура Империи оставалась непреклонной: хорошая, честная работа и искра подлинной инициативности всегда обладали высшей ценностью.

И заведующий кафедрой, патриарх Комаров был доволен. Из утроб немецких машин километрами, шурша, выходили плотные бумажные ленты самописцев, исчерченные непрерывными зигзагами пульса и графиками дыхания. Это была не просто фиксация данных — это были неопровержимые вещественные доказательства триумфа. Профессору было с чем явиться на высшие консилиумы и доложить иерархам Системы, что учреждение функционирует безупречно, опережая самые смелые расчеты создателей. Я думаю, Комарову тогда неимоверно повезло со мной. Вряд ли подобные неофиты часто переступали порог его кафедры. А

в нашу нынешнюю, упадническую эпоху такие самородки и вовсе стали исчезающе редким, почти невозможным явлением.

То был тот самый патриарх Комаров, который первым в нашей Республике решился применить запретную магию гормональных эликсиров для исцеления угасающих детей, чьи легкие сковала удушливая броня бронхиальной астмы. До этого великого перелома юным неофитам приходилось несладко — они медленно сгорали в муках. Я ведь, если забыл упомянуть в этих хрониках, принял сан педиатра — целителя самой хрупкой и беззащитной живой плоти. И я воочию зрел это чудо. Обезумевшие от горя матери готовы были буквально на руках нести Комарова сквозь площади, ибо по тем суровым временам методология казалась божественным откровением. Алхимические гормоны нового поколения действовали сокрушительно и точно: умиравшие на глазах детишки внезапно, за какие-то мгновения, восстанавливали свои жизненные матрицы и возвращались из чертогов смерти почти здоровыми. Как было не боготворить такого мастера? Конечно, неумолимый ход времени и суровые законы биологии позже обнажили скрытую цену этой магии — жизнь показала, что безупречный триумф не бывает вечным, и у гормонального щита есть свои темные пределы. И всё же, доживи Системы до нынешних дней, этот метод так и остался незыблемым столпом исцеления. За долгие десятилетия упадка человечество так и не изобрело ничего фундаментально лучшего или по-настоящему нового…

Профессор Комаров обладал поистине магнетическим естеством — мужчина изысканной породы и редкого, утонченного ума. Его фигура выделялась среди блеклых функционеров кафедры, словно монолит из черного обсидиана. Для высшего иерарха Цитадели он был поразительно молод — дерзкий новатор, чей лик украшали аккуратная острая бородка и тонкие стекла оптических окуляров. В нем сквозила современность, утонченный футуристичный лоск. Вся женская половина Института пребывала в немом восторге от его харизмы. Однако патриарх Комаров ревностно оберегал свои границы, держа дистанцию и позволяя лишь единицам приближаться к своему алтарю.

Но однажды Машина Системы попыталась поглотить его. После очередной заграничной командировки профессора в теневых кабинетах развернулось судилище — суровый разбор его «личного дела», инициированный из-за тайной связи с одной из научных сотрудниц. Партийные инквизиторы жаждали крови и показательной кары за нарушение негласных догм. На судилище инквизиции патриарх Комаров держался молодцом. Гордо вскинув голову, он отринул все обвинения и не признал ни единого слова из сфабрикованных доносов. Более того, его голос прозвучал как удар стали: «Я жизнь положу, но найду по почерку этого гада! Лично выведу предателя на чистую воду!» Инквизиторы дрогнули перед этой яростной уверенностью. Но и Орден ординаторов сплотился вокруг своего лидера. Мы все, словно сговорившись, выставили ментальный щит — дружно промолчали о том, что знали, и единым фронтом выступили на его защиту. «Этого быть не может», — твердили мы в лицо трибуналу. Цитадель беззаветно любила Комарова, и мы не отдали его на растерзание.

Внутри административных чертогов Комаров вел свою скрытую, изящную войну против Системы. Он люто, всем сердцем презирал бесконечные, удушающие заседания Ученых Советов и затянутые номенклатурные собрания, высасывавшие ментальную энергию. Как раз в ту пору в обиход вошли первые артефакты новой эры — электронные хронометры, способные издавать тонкий, синтетический писк. И профессор превратил эти часы в свое тайное оружие. Когда очередной докладчик увязал в пустых речах, нарушая ритм времени, в абсолютной тишине душной аудитории вдруг раздавался тихий, пронзительный электронный звон. Комаров с самым невозмутимым видом слегка встряхивал запястьем, безмолвно давая понять: лимит исчерпан. Этот механический сигнал действовал на старейшин как ментальный приказ — все мгновенно понимали, что пора сворачивать свитки и заканчивать заседание.

Моя личная диагностическая практика в залах Цитадели достигла той запредельной стадии, когда биологическая оболочка пациента становилась для меня абсолютно прозрачной. По тончайшим изменениям кожных покровов, по едва уловимому рельефу ткани и иным скрытым маркерам увядания я мог безошибочно определить концентрацию калия и натрия в миллимолях внутри живого организма. Разумеется, я никогда не полагался на слепую интуицию и всегда проверял эти ментальные замеры жестким инструментальным методом контроля кислотно-щелочного состояния (КЩС). Но приборы лишь раз за разом подтверждали точность моих расчетов — я практически никогда не совершал ошибок в своих вердиктах. Очередной триумф точного математического ума над хаосом плоти. Об этой уникальной способности укрощения электролитного баланса без анализов вскоре узнали многие, что лишь укрепило мою славу мастера. На этой стадии я выдвинулся в авангард, став фигурой заметной и весомой — Личностью, которую иерархи более не могли игнорировать. Мой голос звучал на каждом высоком заседании. В конце концов руководство пристроило мой потенциал к масштабному делу: меня отправили в технологические экспедиции. Отныне в мои обязанности входили регулярные марш-броски с лекциями и докладами по самым глухим, отсталым районам и далеким окраинным республикам Империи, где местным целителям требовалось привить передовые протоколы.

Глава III. Штурм Столицы и закон карниза

И вот, на излёте первого полугодия, слепая Фортуна внезапно обратила свой лик к моему алтарю. Сквозь бюрократические заслоны пробилось запечатанное письмо — прямой вызов из Высшей Цитадели Союза. Протокол требовал направить ординатора, прошедшего боевое крещение в реанимационных залах, в святая святых медицинской науки — к самому патриарху, легендарному детскому профессору Михельсону (а к тому времени, возможно, уже облекшему себя высшим званием академика). С моими показателями, укрощенной немецкой техникой и километрами логов я был первый кандидат на это. Но я был не одинок. Из тени смежных лабораторий Системы выдвинулся еще один претендент — такой же неофит, но умудренный десятилетием лишнего жизненного цикла и опыта. Он тоже решил испытать счастье, оспорить право единоличного триумфа и двинуться в этот поход вместе со мной.

Сборы были недолги. Шестерни Системы провернулись с лихорадочной быстротой — буквально за одну, полуторы или две седмицы наши походные матрицы были укомплектованы. Билеты куплены, необходимые сопроводительные бумаги с печатями — намертво зажаты в кулак. Мы полетели покорять Столицу.

Едва покинув чрево воздушного судна, мы довольно быстро отыскали монолит нужного нам Института. Но стоило переступить его порог, как иллюзии разбились о ледяную стену бюрократического отчуждения: оказалось, что нас там никто не ждал. Мы предъявили письмо-вызов высшим иерархам, но институтские лица лишь сухо окинули нас взглядами.

— Ну, ребят, так дела не делаются, — отчеканили они. — Да, письмо было. Но необходимо было обговорить детали. От вас ни ответа, ни привета. Сам факт посылки письма не означает, что нужно являться. Где вас размещать? Вас надо обеспечивать гостиницей, рабочими местами в лабораториях реанимации. Всё так просто не делается. Не знаем, право, не знаем, что теперь с вами делать.

Сам великий Михельсон проявил к двум провинциальным неофитам царственную снисходительность. Окинув нас проницательным взглядом, он явил жест невиданной милости: разрешил нам целую неделю переночевать прямо в его собственном высоком кабинете. Но мы сдуру отказались. Нам показалось это не совсем удобным, нарушающим субординацию. Патриарх лишь усмехнулся:

— Ладно. Хорошо. Пару ночей где-нибудь в Москве перекантуетесь, а мы придумаем что-нибудь с вашей гостиницей.

Найти временный приют в Столице тех лет было задачей почти невыполнимой — в казенных гостиницах царил вечный дефицит. Но у меня уже был готов «План Б». Я знал, что здесь в клинической ординатуре находится мой однокурсник Эрик. Он жил в большом медицинском общежитии — колоссальных высотках, возвышавшихся в секторе ближе к метро «Динамо». Выбора Машина Системы нам не оставила, и мы пошли туда. Обладая навигационным чутьем, я без труда взломал географию незнакомого района и довольно быстро нашел его среди сотен комнат. Встретить-то он нас встретил, но не сказал бы, что особенно рад был — восторга от нашего внезапного вторжения Эрик определенно не испытал. Двое незваных пришельцев нарушали баланс его существования. Однако законы Братства оставались непреложными: надо спасать, мы привыкли друг друга выручать. Пару ночей мы провели в его тесной ячейке, деля скудный быт.

Спустя двое суток мы вновь установили связь с Ведущим Институтом. Канцелярия наконец завершила свой медленный цикл: с нами договорились. Нам выделили санкционированное пристанище — Академическую гостиницу, расположенную в районе Речного Вокзала. Спустя десятилетия я так и не сохранил в памяти ее точное номенклатурное имя. Разумеется, она была

не бесплатной, но обходилась в копейки, не подрывая наши скромные ресурсы. Этот географический сектор Москвы я уже успел изучить более или менее хорошо — хороший район.

Но на этом испытания не закончились. Второй сокрушительный удар подстерегал нас впереди: иерархи объявили, что способны интегрировать в структуру только одного ординатора, но не двоих. И выбирать они будут из тех, кто уже имеет реальный опыт работы. Мои логические цепи в этом отношении были пусты — какой у меня опыт работы? У товарища же, превосходившего меня на десять лет жизненного цикла, этот опыт имелся в избытке. Шестерни повернулись в его пользу. И в этот миг великого поражения я внезапно ощутил глубокое, почти благословенное облегчение. Разум, истощенный бесконечной борьбой, выдал крамольную мысль: «Да ну его всё к черту. Развернусь и поеду назад». Напарник оставался, а я готов был отступить.

Этот раскол судьбы мгновенно отразился на нашем быту, разделив наши экономические стратегии. Я-то уже перестал экономить ресурсы — в столовой рядом с гостиницей, в которую мы ходили, я с вызовом заказывал двойной гарнир, насыщая плоть перед возвращением. Старший же товарищ, понимая, что впереди у него долгая и голодная битва за выживание в Столице, начинал сурово экономить ресурсы: он мрачно брал себе одинарный гарнир, а порой и вовсе обходился без него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.